

ДУША и ТЕЛО в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры: материалы к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий / Т. Б. Радбиль, Г. А. Ахметжанова, Ж. Ж. Жумагулова, А. Е. Сералиева, Г. Е. Сералиева // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 127—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150.

Radbil, T. B., Akhmetzhanova, G. A., Zhumagulova, Zh. Zh., Seralieva, A. E., Seralieva, G. E. (2020). DUSHA (“SOUL”) and TELO (“BODY”) in the Aspect of Contrastive Analysis of Cultural Concepts: Materials for the Linguo-Cultorological Phraseological Dictionary of Russian-Kazakh Correlations. *Nauchnyi dialog*, 3: 127-150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150. (In Russ.).

УДК 811.161.1'37+811.512.122'37+398.91+81'374.3

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150

ДУША и ТЕЛО в АСПЕКТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА КОНЦЕПТОВ КУЛЬТУРЫ: МАТЕРИАЛЫ К ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМУ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ РУССКО-КАЗАХСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

© **Радбиль Тимур Беньяминович (2020)**, orcid.org/0000-0002-7516-6705, SPIN 2835-0370, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижегород, Россия), timur@radbil.ru.

© **Ахметжанова Гульмира Ануашевна (2020)**, orcid.org/0000-0003-3279-9091, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Республиканское государственное предприятие «Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова» (Шымкент, Республика Казахстан), gulmira-54@mail.ru.

© **Жумагулова Жадыра Жуматаевна (2020)**, orcid.org/0000-0001-7547-7792, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Республиканское государственное предприятие «Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова» (Шымкент, Республика Казахстан), zhadi.72@mail.ru.

© **Сералиева Алтынай Елубековна (2020)**, orcid.org/0000-0002-8009-5470, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Республиканское государственное предприятие «Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова» (Шымкент, Республика Казахстан), sanen-04@mail.ru.

© **Сералиева Гаухар Елубековна (2020)**, orcid.org/0000-0002-4863-8156, преподаватель кафедры русского языка и литературы, Республиканское государственное предприятие «Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова» (Шымкент, Республика Казахстан), 9.7.71@mail.ru.

В статье обсуждаются некоторые результаты совместного научного лексикографического проекта ученых из России и Казахстана по сопоставительному лингвокультурологическому анализу русско-казахских фразеологических соответствий. Представлен опыт

контрастного лексикографического описания концептов ДУША и ТЕЛО в аспекте их языковой репрезентации в русских и казахских фразеологизмах. Цель исследования — контрастный анализ оппозитивных концептов ЖАН—ДУША и ДЕНЕ / БОЙ—ТЕЛО в их фразеологической объективации в казахском и русском языках. Материалом исследования являются данные русских и казахских фразеологических словарей. Теоретической базой работы выступают идеи языковой концептуализации мира, принципы когнитивной интерпретации элементов «языка культуры» и методология лингвокультурологического изучения фразеологизмов. Использованы стандартный метод концептуального анализа и метод сопоставительного анализа фразеологизмов. Показано, что во фразеологической репрезентации указанных концептов в русской и казахской лингвокультурах метафорические и метонимические модели концептуализации для ЖАН—ДУША и ДЕНЕ / БОЙ—ТЕЛО характеризуются рядом существенных сходств, обусловленных общими принципами языковой концептуализации действительности в языках мира. Делается вывод, что некоторые концептуальные расхождения между сопоставляемыми языками обусловлены особенностями природной и культурной среды, мифологическими и религиозными традициями этносов, а также различиями в выборе номинации для разного отображения примерно сходного содержания.

Ключевые слова: концепты; ДУША; ТЕЛО; контрастный анализ во фразеологии; лингвокультурологический сопоставительный словарь; русско-казахские соответствия; русский язык; казахский язык.

1. Введение

В статье представлены некоторые результаты совместного научного лексикографического проекта ученых из России и Казахстана по сопоставительному лингвокультурологическому анализу русско-казахских фразеологических соответствий.

В российском гуманитарном знании опыты по лексикографическому представлению «языка культуры» открываются основополагающим трудом академика Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» [КСРК, 1997]. Современные лингвокультурологические лексикографические исследования представляют собой особую разновидность идеографических описаний языка, которые в наше время воистину обретают новые импульсы, что обусловлено активизацией новых стратегий научного поиска в отечественной лексикографии, а именно — установкой на комплексную антропоориентированную интерпретацию явлений языка в контексте социальной жизни этноса, его материальной и духовной культуры, его идеалов и ценностей.

Достаточно назвать такие уникальные идеографические проекты, как «Полный словарь диалектной языковой личности» томских лексикографов [ПСДЯЛ, 2006—2012], «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремологии)» ученых Уральского госуниверситета под руководством Л. Г. Бабенко [КРЯ, 2010], «Русский идеографический словарь: мир человека и человек в окружающем его мире» академика РАН Н.Ю. Шведовой [РИС,

2011]. Из последних изданий отметим основательную работу Т. В. Леонтьевой «Идеографический словарь русской социальной лексики: общество и человек» [ИСРСЛ, 2018].

Исследователями Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского разрабатывается такое направление, как создание учебных словарей концептов культуры: это продолжающиеся издания «Словаря концептов русской народной сказки» [СКРНС, 2011, 2015], материалов учебного комплексного лингвокультурологического словаря «Человек и его внутренний мир» [МУКЛС, 2005—2014]. Недавно вышла работа В. В. Сайгина «Концепты “грех”, “покаяние”, “добродетель” и “искупление”: материалы к словарю концептов русской культуры» [МСРК, 2019].

Предлагаемый совместный российско-казахстанский лексикографический проект ученых ННГУ им. Н. И. Лобачевского и ЮКГУ им. М. Ауэзова предполагает сопоставительное лингвокультурологическое описание концептов культуры на основе русско-казахских фразеологических соответствий, что отличает его от существующих словарей концептов культуры и фразеологических словарей. Выбор именно фразеологического материала представляется нам вполне естественным, поскольку, как это показано в пионерских работах В. Н. Телия, национальная и культурная обусловленность языка прежде всего выражена в совокупности его устойчивых выражений [Телия, 1996].

В настоящее время принципы сопоставительного описания фразеологических концептов словаря, особенности подачи материала и состав сопоставляемых единиц находятся в стадии уточнения. В свою очередь уже накоплен значительный материал по сопоставлению фразеологических единиц с соматическим компонентом, по контрастивной интерпретации фразеологизмов, отражающих внутренний мир человека, его материальную культуру, обычаи, традиции и пр.

В данной статье мы представим опыт сопоставительного лексикографического описания концептов ДУША и ТЕЛО в аспекте их языковой репрезентации в русско-казахских фразеологических соответствиях.

2. К проблеме сопоставительного лексикографического описания русско-казахских фразеологических соответствий: обоснование концепции исследования

Согласно мнению ряда исследователей (см., например, [Зализняк, 2005; Радбиль, 2016]), специфику национально обусловленных представлений о мире в языке этноса следует выявлять в процессе изучения не отдельно взятых, изолированных концептов, а их смысловых объединений

(УМ — РАЗУМ, ПРАВДА — ИСТИНА и под. в русском языке) или, наоборот, антиномических оппозиций (ПРАВДА — ЛОЖЬ, ДУХ — ПЛОТЬ и под.). К подобным оппозитивным концептам относятся и интересующие нас концепты ЖАН — ДУША и ДЕНЕ / БОЙ — ТЕЛО, имеющие стабильную смысловую противопоставленность как в казахской, так и в русской языковых картинах мира.

Взаимосвязь телесного и духовного начал является одним из базовых культуuroобразующих факторов в языковой концептуализации действительности, причем эта взаимосвязь характеризуется внутренней противоречивостью. С одной стороны, по данным современной когнитивной лингвистики, основные концепты в языках мира являются телесно воплощенными («conceptual embodied»), то есть обусловлены устройством человеческого тела [Лакофф, 2004]. С другой стороны, человеческая телесность в человеческой культуре всегда рассматривалась не как биологическая инстанция, а как одухотворенная, семиотическая категория со значительным символическим потенциалом [Бодрийяр, 2000; Зинченко, 2007].

Исследование концептов культуры в настоящее время выступает как один из важнейших научных инструментариев, благодаря которому ученый получает доступ к содержанию национальной культуры и способам его представления в языке. С одной стороны, концепты выражают ключевые идеи культуры, с другой — они сами выражаются в конфигурациях смысла, объективированных в единицах и категориях этического языка [Вежбицкая, 1996; Зализняк, 2005; Радбиль, 2011]. Широко известно, например, исследование таких значимых в русской языковой картине мира слов, как *судьба*, *душа*, *тоска*, в работах Анны Вежбицкой [Вежбицкая, 1996]. ДУША как значимый русский культурный концепт также всесторонне рассматривается в ряде работ [Алексеева, 1996; Зализняк, 2005; Радбиль, 2011 и др.]. Также широко освещены и особенности языковой концептуализации тела в работах [Телия, 1996; Бодрийяр, 2000; Зинченко, 2007 и др.].

Предполагается, что национальная и культурная обусловленность той или иной лингвокультуры может быть познана прежде всего посредством межязыкового сопоставления соотносимых единиц разных уровней языка или соответствующих тематических областей. Особенно показательной в этом плане является сфера фразеологии в плане изучения соотношения определенных идеографических зон или повторяющихся константных национально-культурных коннотаций в фразеосистемах сопоставляемых языков.

В лингвистических исследованиях последнего времени имеется значительный научный задел в области лингвокультурологического и концептологического изучения разных аспектов именно фразеологической ре-

презентации интересующих нас концептов. Сопоставительный полилингвальный анализ отражения концептов ДУША и ДУХ во фразеологии на материале русского, английского и эвенкийского языков реализован в диссертационном исследовании Е. В. Черниковой [Черникова, 2005]. Сердце и душа как часть внутреннего мира человека в русских, английских и немецких фразеологизмах рассмотрены в работе [Жолос и др., 2019]. Лингвокультурологический анализ вербализованных представлений о теле в его корреляциях с выражением эмоций на материале русского языка осуществлен в работе [Петрова, 2007]. Фразеологизмы, характеризующие человека, в тюркских языках Сибири и казахском языке в сопоставительном освещении рассмотрены в диссертационном исследовании Е. В. Николиной [Николина, 2002]. На материале тюркских языков фразеосемантическое поле эмоционального состояния человека в соматической фразеологии проанализировано в статье [Мамутова, 2019].

Также в научной литературе последних лет имеются исследования, в которых сделан акцент именно на оппозиции души и тела в разных аспектах. Так, анализ фразеологизмов с компонентами-соматизмами, включая несоматический компонент *душа*, проводится в статье [Милованова, 2018]. Опыт сопоставительного исследования особенностей концептуализации культурных стереотипов *душа* и *тело* в русской соматической фразеологии с привлечением литовских параллелей представлен в диссертации литовского исследователя Й. Русецкой [Русецкая, 2012].

Обширный исследовательский материал по интересующей нас научной проблематике было необходимо адаптировать к поставленным в настоящем исследовании задачам лингвокультурологического сопоставительного лексикографического описания русских и казахских фразеологизмов.

Цель исследования — контрастивный анализ оппозитивных концептов ЖАН — ДУША и ДЕНЕ / БОЙ — ТЕЛО в их фразеологической объективации в казахском и русском языках.

Материалом исследования являются данные русских и казахских фразеологических и толковых словарей [ССРЛЯ, 1954, т. 3; 1963, т. 15; ФСКЯ, 1977; ФСРЯ, 1985; КРФС, 1988; СОВРЯ, 1995; КРС, 2002; СД, 2002, т. 1; СО, 2006].

Теоретической базой исследования выступают идеи языковой концептуализации мира [Апресян, 1986; Зализняк, 2005; Радбиль, 1999 и др.], принципы когнитивной интерпретации элементов «языка культуры» [Вежбицкая, 1996; Новые тенденции ..., 2014; Радбиль, 2011; Толстая, 2002] и методология лингвокультурологического изучения фразеологизмов [Быкова, 2005; Телия, 1996].

В качестве инструментария, посредством которого концепты культуры объективируются в семантической системе языка, в том числе в его фразеологической области, выступают культурные коды. Существует широкое и узкое понимание «культурного кода». Под ним в широком смысле следует понимать способ знаковой репрезентации той или иной информации — словесный, изобразительный, акциональный и пр. [Березович, 2004; Толстая, 2002 и др.]. Именно в этом смысле, например, явления интернет-коммуникации описывают через термин *поликодность* — сочетание вербального и изобразительного кодов. Но уже в рамках широкого понимания, например, в работах Е. М. Березович, заложена возможность перехода к узкому пониманию, согласно которому культурный код интерпретируется через определенную тематическую область, противопоставленную иной тематической области, — например, пространственный, гастрономический, анатомический и прочие коды [Березович, 2004]. Иногда понимаемый так культурный код именуется предметно-тематическим, например, Т. В. Леонтьева дает следующее определение: «Предметно-тематический код мы понимаем как совокупность элементов одной сферы действительности, через посредство которых носитель языка осмысляет действительность иного рода» [Леонтьева, 2006, с. 58]. Применительно к фразеологии в качестве языкового механизма репрезентации закодированной культурно-значимой информации выступает национально-культурная коннотация, трактуемая в духе работ [Телия, 1996], или этноконнотация [Быкова, 2005].

Таким образом, в качестве основных методов исследования в работе используются стандартный метод концептуального анализа, который эксплицирует содержание культурно обусловленного представления о действительности, и метод сопоставительного анализа фразеологизмов, который выявляет способ интерпретации культурно-значимой информации и ее национальную специфику в сопоставляемых языках.

В плане межязыкового сопоставления анализируемых единиц в работе используется стандартная методика контрастивного анализа фразеологизмов, широко описанная в научной литературе [Гак, 1997; Добровольский, 1997 и др.]. Сначала определяется язык-источник, язык-эталон (source-language) и язык-цель (target-language) [Гак, 1989]. Исключительно по методическим соображениям авторами настоящей статьи принято, что в роли языка-цели используется казахский язык: эмпирически заданному набору единиц казахского языка по определенным параметрам ищутся полные или частичные соответствия в русском языке, удовлетворяющие определенным критериям.

На предварительном этапе анализа устанавливается лексико-семантическое соответствие лексем — имен концептов, которые выступают в качестве основных репрезентантов концепта в составе фразеологических единиц. Выявлено, что в общем и целом казахское слово *жан* по объему и содержанию семантики примерно соответствует русскому *душа*. В свою очередь русскому слову *тело* по распределению объема семантики соответствуют две лексемы казахского языка: *дене* — более абстрактное по семантическому представлению, называющее небесные или физические тела как пространственные объекты, и *бой* (этимологически восходит к идее ‘рост’) — так сказать, «вещественная» сторона тела, плоть живых существ, организм, туловище [ССРЛЯ, 1954, т. 3; 1963, т. 15; КРС, 2002].

Далее проводится анализ фразеологических соответствий. Напомним, что в статье представлен лишь фрагмент предлагаемого словарного описания. Анализируются казахские фразеологизмы только с компонентами *жан* и *дене / бой*, в соответствие которым ставятся русские фразеологизмы с компонентами *душа* и *тело* как базовыми репрезентантами соответствующих концептов. Рассматриваются модели концептуальной метафоризации в духе работы [Лакофф, 2004], которые лежат в основе внутренней формы (образной структуры) фразеологизмов и образуют их национально-культурные коннотации.

Если русские фразеологизмы содержат на уровне компонентного состава соответствующие элементы *душа* и *тело* и имеют сходство как в образной структуре, так и в синхронической совокупной фразеологической семантике, то мы имеем дело с полными эквивалентами. Если в русских фразеологизмах на уровне компонентного состава присутствуют составляющие *душа* и *тело*, но выражения расходятся со своими казахскими соответствиями либо по образной структуре (внутренней форме), либо по семантике, то мы имеем дело с частичными эквивалентами. Если схожее с казахским значение передается в русской фразеологии идиомами с иным компонентным составом, то мы говорим о безэквивалентности.

На заключительном этапе дается лингвокультурологическая интерпретация выявленных сходств и различий.

3. Концепты ЖАН—ДУША в казахской и русской фразеологии в свете сопоставительного лексикографического описания

На предварительном этапе анализа по результатам обследования контента русских и казахских фразеологических словарей выявлено, что состав фразеологизмов с компонентом *жан* включает 90 фразеологических единиц в казахском языке и, соответственно, 93 единицы с компонентом *душа* в рус-

ском языке. Это, по мнению А. Вежбицкой, является свидетельством достаточно большой степени культурной разработанности данного концепта как в казахской, так и в русской лингвокультурах [Вежбицкая, 1997].

В «наивной картине мира» [Апресян, 1986] сопоставляемых языков душа концептуализируется в рамках стандартных моделей [Лакофф, 2004; Радбиль, 2017 и др.] метафорически как неодушевленный конкретно-чувственный объект, как вещество (субстанция), как контейнер (вместилище) и по метонимическим моделям как одушевленная сущность, как человеческое существо (конкретизация предыдущей модели). При этом полных эквивалентов, как ожидалось, обнаружено мало. В целом отмечаются как сходства, так и расхождения в образной структуре и идиоматичной семантике сопоставляемых фразеологизмов.

3.1. Метафорическая модель ‘душа → неодушевленный объект’

Выявлены следующие полные эквиваленты с учетом грамматических расхождений между русским языком как флективным и казахским языком как агглютинативным: *жанын салу* (букв. ‘класть (положить) душу’) [ФСКЯ, 1977, с. 185; КРФС, 1988, с. 77] в значении ‘не шадить себя’ — в русском языке примерно соответствует *положить душу за кого-либо* (книжн., устар.) в значении ‘пожертвовать жизнью’ [ССРЛЯ, 1954, т. 3, стлб. 1187; СД, 2002, т. 1, с. 450], но в русском языке это выражение стилистически маркировано и более узко по смысловому объему; *жұмысқа жанымен берілу* (букв. ‘отдаваться с душой работе’) [ФСКЯ, 1977, с. 187; КРФС, 1988, с. 77] в значении ‘работать с душой’ — в русском языке примерно соответствует *вкладывать душу в работу* [ФСРЯ, 1985, с. 70; ССРЛЯ, 1954, т. 3, стлб. 1186].

В основном в обследованном материале выделяются частичные эквиваленты, то есть включающие в русском языке интересующий нас компонент, но расходящиеся либо по образной структуре, либо по синхроническому значению: *күр жаны бар* (букв. ‘в чем душа есть, имеется’) [ФСКЯ, 1977, с. 184; КРФС, 1988, с. 77] в значении ‘о ком-либо очень болезненном, слабом’ — в русском языке примерно соответствует *в чем (только) душа держится* [ФСРЯ, 1985, с. 149]; *жан тапсыру* (букв. ‘сдать, вручить, поручать душу’) [КРФС, 1988, с. 74] и его фразеологический синоним *жан беру* (букв. ‘отдать, выдать, выложить душу’) [ФСКЯ, 1977, с. 181; КРФС, 1988, с. 73; КРС, 2002, с. 295] в значении ‘умереть’ — в русском языке примерно соответствует *отдать Богу душу* [ФСРЯ, 1985, с. 302; СД, 2002, т. 1, с. 450]; в русском варианте считаем существенным наличие компонента *Богу*, отсутствующего в казахском фразеологизме, — это привносит смыслы христианского пласта культуры в семантику русского фразеологизма;

жанды суырып ала жаздау (букв. ‘чуть не вынул душу’) [КРФС, 1988, с. 73] в значении ‘измучить угрозами, домогательствами’ — в русском языке примерно соответствует фразеологизму с более экспрессивным глагольным компонентом *вытрясти душу* [ФСРЯ, 1985, с. 98]; *жанды жегидей жеу* (букв. ‘душу червем точить’) [ФСКЯ, 1977, с. 183; КРФС, 1988, с. 73] в значении ‘тоскливо на душе’ — в русском частичном эквиваленте *скребет на душе* [ФСРЯ, 1985, с. 429] не используется зооморфная метафора; *жанына бату* (букв. ‘давить на душу’) [ФСКЯ, 1977, с. 185; КРФС, 1988, с. 75] в значении ‘причинять, наносить душевные страдания’ — в русском языке в выражении *тяжело на душе* [СД, 2002, т. 1, с. 450] используется образ гнета, сильного давления.

К явлениям безэквивалентности мы относим случаи, когда в русских соответствиях используется не компонент *душа*, а какой-либо иной компонент, или вообще отсутствует фразеологическая единица с данной синхронической семантикой: *жаныңның барында* (букв. ‘пока (твоя, в тебе) душа есть, имеется’) [ФСКЯ, 1977, с. 186; КРФС, 1988, с. 76] в значении ‘еле живой’ — в русском языке для выражения этой идеи, помимо выражения *еле-еле душа в теле* ‘едва, чуть жив’ [ФСРЯ, 1985, с. 150], используется совсем другой образ, снова связанный с христианской символикой: *дышать на ладан* [ФСРЯ, 1985, с. 154]; *жанын шуберекке тую* (букв. ‘душу завернуть в тряпочку, завязав узелком’) [ФСКЯ, 1977, с. 185; КРФС, 1988, с. 75] в значении ‘быть готовым отдать свою душу другому, забыв себя’ — в русском языке нет какого-либо фразеологического соответствия.

3.2. Метафорическая модель ‘душа → вещество (субстанция)’

К полным эквивалентам условно отнесем лишь фразеологизм *жаны кую* (букв. ‘душа горит’) [ФСКЯ, 1977, с. 181; КРФС, 1988, с. 75] в значении ‘состояние взволнованности, восторженного возбуждения, о сильном желании чего-л.’, который имеет примерное русское соответствие *душа горит / загорелась* (разг., экспр.) [ФСРЯ, 1985, с. 150], которое, как видно из помет, стилистически ограничено.

К частичным эквивалентам можно отнести казахский фразеологизм *жан дүниесін ақтару* (букв. ‘погружаться в мир души / во внутренний мир; рыться, копаться в мире души / внутреннем мире’) в значении ‘перен. излишне кропотливо и настойчиво разбираться в себе, обдумывать свои мысли’ [ФСКЯ, 1977, с. 181; КРС, 2002, с. 295], которое примерно соответствует русскому выражению *копаться в душе* [ФСРЯ, 1985, с. 151; СО, 2006; с. 294].

В основном по этой модели казахским фразеологизмам не обнаружено соответствия в русских выражениях с компонентом *душа* (явления безэк-

вивалентности): так, казахский фразеологизм *жан терге тусу* (букв. ‘душа обильно проливается с потом / потом / как пот’) [КРФС, 1988, с. 75] имеет два значения: (1) ‘работать, трудиться, прилагая все силы’ — в этом значении в русских фразеологизмах компонент *душа* не используется: *в поте лица, до седьмого пота* [ФСРЯ, 1985, с. 348]; (2) ‘испытывать сильное волнение’ — в этом значении также в русских фразеологизмах компонент *душа* не используется: *бросает (кидает) в жар* [ФСРЯ, 1985, с. 148]; *жан таласу* (букв. ‘бороться за душу’) [ФСРЯ, 1977, с. 182; КРФС, 1988, с. 74] в значении ‘отчаянная борьба, смертельная схватка’ — в русских соответствиях также в образной структуре не используется компонент *душа*: *не на жизнь, а на смерть* [ФСРЯ, 1985, с. 158]; *жан алкымга келу* (букв. ‘душа подступает к горлу (из-за к.-л. / ч.-л. ’)) [КРФС, 1988, с. 73] в значении ‘принуждать, ставить в безвыходное положение’ в русском языке имеет примерное соответствие, в котором компонент *душа* не используется: (прост., экспрес.) *наступить на горло* [СО, 2006, с. 139].

Также выявлен и русский безэквивалентный фразеологизм по данной метафорической модели — *излить душу* (кому, перед кем) в значении ‘экспрес. рассчитывая на сочувствие, откровенно рассказывать кому-либо о том, что волнует, беспокоит, наболело’ [ФСРЯ, 1985, с. 184], для которого, напротив, не найдено в казахском языке фразеологического соответствия.

3.3. Метафорическая модель ‘душа → место,местилище (контейнер)’

Данная модель в казахских фразеологизмах с компонентом *жан* в обследованном материале представлена слабо. В основном обнаружены безэквивалентные фразеологизмы. Так, казахскому фразеологизму *жанды жер* (букв. ‘место, где есть / живет душа’) [ФСРЯ, 1977, с. 183; КРФС, 1988, с. 73] в значении ‘наиболее уязвимая сторона, свойство кого-, чего-л.’ в русском варианте соответствует фразеологизм, где не использован компонент *душа*: *больное место* [ФСРЯ, 1985, с. 245; СОВРЯ, 1995, с. 28].

С другой стороны, видимо, концептуализация души в казахских фразеологизмах как бы лишена «третьего измерения», размерности вглубь, в отличие от русских идиом типа *хранить / беречь в душе* [ФСРЯ, 1985, с. 151; СО, 2006, с. 868] или *в глубине души* [ФСРЯ, 1985, с. 108], который, например, по-казахски передается устойчивым выражением с компонентом *сердце*: *жүрегінің түкпірінде* (букв. ‘в глубине / внутри сердца’) [КРФС, 1988, с. 85].

3.4. Метонимическая модель ‘душа → одушевленная сущность, что-то живое, жизненная сила’

Данная модель наиболее широко представлена в русско-казахских фразеологических соответствиях: собранный материал свидетельствует

о значительном сходстве в мифологических представлениях о душе как источнике жизни, жизненной силы у казахов и у русских.

Так, в качестве полных фразеологических эквивалентов можно рассматривать следующие примеры: *жанына жара сал* (букв. ‘наносить рану душе’) [ФСКЯ, 1977, с. 185; КРФС, 1988, с. 76] в значении ‘наносить кому-л. душевную боль’ имеет в русском языке примерное соответствие *раздирать (терзать) душу / сердце* с тем же значением [СО, 2006, с. 646]; *жаны ашу* (букв. ‘болеть душой’) [ФСКЯ, 1977, с. 184; КРФС, 1988, с. 75] в значении ‘беспокоиться, страдать, переживать за к.-л.’ примерно соответствует русским фразеологизмам *душа (сердце) болит (за к.-л. / ч.-л.)* [ФСРЯ, 1985, с. 149; СОВРЯ, 1995, с. 92] и *болеть душой (сердцем)* [ФСРЯ, 1985, с. 42]; *жаны бақайына кетті* [ФСКЯ, 1977, с. 184] (букв. ‘душа ушла в пятки’, где *бақай* — ‘пятка, надкопытная косточка’) в значении ‘сильно испугаться’ имеет полное соответствие в русском фразеологизме *душа ушла в пятки* [ФСРЯ, 1985, с. 150; СОВРЯ, 1995, с. 75].

К частичным эквивалентам можно отнести следующие случаи: *жан даусы шығу* (букв. ‘выпускать крик души’) [КРФС, 1988, с. 77; КРС, 2002, с. 295] в значении ‘выражать большую душевную боль, что-то накопившееся в душе’ примерно соответствует русскому фразеологизму *крик души* [ФСРЯ, 1977, с. 181], только в русском языке отмечается помета «часто ирон.»; *жаны жай табу* (букв. ‘душе найти покой’) [КРФС, 1988, с. 75] в значении ‘умереть’ частично соответствует русскому религиозно-христианскому выражению *упокоить душу* [СД, 2002, т. 1, с. 450] (ср. также молитву «За упокой души»), также в значении ‘умереть’ в казахском языке используется выражение *жаны шығу* (букв. ‘вышла душа’) [КРФС, 1988, с. 77; КРС, 2002, с. 295], что примерно соответствует религиозно-православной идиоме *душа отлетела (из тела)* [СД, 2002, т. 1, с. 450] (культурные различия состоят в том, что в казахском языке нет привязки к религиозной составляющей); *жаны қалмау* (букв. ‘душе не остаться в теле’) [ФСКЯ, 1977, с. 184; КРФС, 1988, с. 77] употребляется в двух значениях: (1) ‘очень сильно любить кого-либо’, что примерно соответствует русскому *души не чаять* [ФСРЯ, 1985, с. 517; СОВРЯ, 1995, с. 92]; (2) ‘тяжело переживать что-либо’ примерно соответствует русскому *душа разрывается (на части)* [Там же, с. 150]; *жаны қас* (букв. ‘враг в душе’) [КРФС, 1988, с. 76] в значении ‘очень сильно ненавидеть’ примерно соответствует *всеми фибрами души (ненавидеть)* [ФСРЯ, 1985, с. 502]; *жаны құмар* (букв. ‘пристрастие души’) [ФСКЯ, 1977, с. 185; КРФС, 1988, с. 76] в значении ‘привязанность к чему-л., сильное желание чего-л.’ примерно соответствует русскому глагольному фразеологизму *быть по душе* (к.-л.)

[ССРЛЯ, 1954, т. 3, стлб. 1187; СО, 2006, с. 184]; субстантивный фразеологизм *жан куйер* (букв. ‘болеющий душой’) [ФСКЯ, 1977, с. 181; КРФС, 1988, с. 74] в значении ‘сочувствующий’ примерно соответствует русскому глагольному фразеологизму *болеть душой* в значении ‘сильно переживать за к.-л., ч.-л.’ [ФСРЯ, 1985, с. 42]; *шыгарда жаны басқа* (букв. ‘только души у них разные’) [ФСКЯ, 1977, с. 181] в значении ‘жить в полном согласии, дружно’ примерно соответствует русскому (*жить*) *душа в душу* [ФСРЯ, 1985, с. 149].

К явлениям безэквивалентности относятся случаи, когда в русском фразеологизме использована иная образная структура, не включающая компонент *душа*: *жан сауғалау* (букв. ‘спасать душу’) [ФСКЯ, 1977, с. 182; КРФС, 1988, с. 74] в казахском языке употребляется в значении ‘спасать (свою) жизнь, бороться за жизнь’, тогда как в русском языке этому выражению соответствует просторечно-сниженное *спасать шкуру* [СО, 2006, с. 898], — в свою очередь, *спасать душу* в русском языке употребляется в ином значении, нежели в казахском, а именно — в религиозном: ‘избавлять от греха’; *жан ұшыру* (букв. ‘душу заставить летать’) [КРФС, 1988, с. 75; КРС, 2002, с. 295] в значении ‘сильно торопиться’ в русском языке соответствует фразеологизму с компонентом не *душа*, а *дух*: *бежать во весь дух* [ФСРЯ, 1985, с. 148]; *жан пида* (букв. ‘душа (как) жертва’) [КРФС, 1988, с. 74; КРС, 2002, с. 295] в значении ‘жертвовать собой за к.-л., ч.-л.’ соответствует русскому фразеологизму *отдать жизнь за к.-л., ч.-л.* [ФСРЯ, 1985, с. 301]; *жаны мұрнының ұшына келу* (букв. ‘душа на самом кончике носа’) [ФСКЯ, 1977, с. 184; КРФС, 1988, с. 73] и синонимичный ему фразеологизм *жан кешти* (букв. ‘проститься с душой’) [ФСКЯ, 1977, с. 181; КРФС, 1988, с. 74] в значении ‘оказаться под непосредственной угрозой гибели’ в русском языке соответствует фразеологизму *висеть на волоске (от смерти)* [ФСРЯ, 1985, с. 69; СОВРЯ, 1995, с. 289]; *жан тәсілім қылу* (букв. ‘завершить путь души’) [КРФС, 1988, с. 75] в значении ‘умереть’ примерно соответствует русскому (*завершить*) *жизненный путь* [СОВРЯ, 1995, с. 259]; *жаннан безу* (букв. ‘бежать от (собственной) души’) [ФСКЯ, 1977, с. 186; КРФС, 1988, с. 74] в значении ‘делать что-л., ради кого-л.’ примерно соответствует русскому *приносить (себя) в жертву* [ФСРЯ, 1985, с. 357]; *жаны көзине қорыну* (букв. ‘душа предстала перед глазами’) [ФСКЯ, 1977, с. 183; КРФС, 1988, с. 75] в значении ‘внезапно почувствовать себя плохо от боли’ примерно соответствует русскому *свет в рогожку покажется* [ФСРЯ, 1985, с. 412]; *жаны жанатта болсын* (букв.: ‘пусть душа будет в раю’) [ФСКЯ, 1977, с. 183; КРФС, 1988, с. 75] является ритуальной формулой соболезнования, которая примерно соответствует

русской *мир праху его* [ФСРЯ, 1985, с. 249]; зооморфный фразеологизм *шыбын жаны шырқырау* (букв. ‘визжит душа (как) муха’) [ФСКЯ, 1977, с. 184; КРФС, 1988, с. 75] в значении ‘громко закричать, завопить’ соответствует русскому выражению с иной образной структурой *орать что есть мочи* [ФСРЯ, 1985, с. 425].

Другой тип явлений безэквивалентности связан с тем, что вообще нет фразеологического соответствия в русском языке: *жан шақыру* (букв. ‘позвать душу’) [КРФС, 1988, с. 75; КРС, 2002, с. 295] в значении ‘отдохнуть’; *жаны бар сөз* (букв. ‘слово, имеющее душу’) [ФСКЯ, 1977, с. 184; КРФС, 1988, с. 75; КРС, 2002, с. 295] в значении ‘дельный совет’.

Ряд несовпадений связан с культурно-мифологическими приоритетами сопоставляемых языковых картин мира. В казахском языке для обозначения выносливого, живучего человека используется фразеологизм с позитивным оттенком *ит жанды* (букв. ‘душа как у собаки’) [КРФС, 1988, с. 92], тогда как в русской модели мира представление о живучести связано с кошкой (в мусульманстве же кошка считается нечистым животным, и ей часто даже клички не дают).

3.5. Метонимическая модель ‘душа → человеческое существо’

В казахских и русских фразеологизмах модели метонимического представления души как человеческого существа во многом схожи. Так, к явлениям полной эквивалентности можно отнести следующие случаи: *өлі жан* (букв. ‘мертвая душа’) [КРФС, 1988, с. 92] в значении ‘мертвый человек, умерший’ примерно соответствует русскому выражению *мертвые души* [ССРЛЯ, 1954, т. 3, стлб. 1187; СД, 2002, т. 1, с. 450] в том же значении, хотя исторически для русского соответствия отмечается лакунарность, связанная с реалиями русской действительности XIX века (крепостные крестьяне ревизовались (переписывались) каждые 10 лет, и умершие, но числящиеся в этих реестрах, именовались *мертвыми душами*); *жан жоқ* (букв. ‘ни (одной) души нет (где-л.)’) [ФСКЯ, 1977, с. 181; КРС, 2002, с. 295] в значении ‘никого нет (где-л.)’ примерно соответствует русскому (*нет*) *ни души (где-л.)* [ФСРЯ, 1985, с. 153; ССРЛЯ, 1954, т. 3, стлб. 1187].

К частичным эквивалентам мы относим следующие случаи: *жан басына* (букв. ‘на голову души = человека’) [ФСКЯ, 1977, с. 181; КРС, 2002, с. 295] в значении ‘на каждого’ соответствует русскому *на душу населения* [СО, 2006, с. 184], но, в отличие от общеупотребительного казахского варианта, русский является стилистически ограниченным, употребляется в официальной речи; компонент *жан* часто употребляется в ласкательном обращении к возлюбленному, супругу, товарищу и пр. (например, *жаным* (букв. ‘душа моя’) [КРС, 2002, с. 295] в значении ‘любимая’, ср. русское

душенька): *жан серік* (букв. ‘душа — спутник’) [Там же], *жан қалқам* (букв. ‘душа — сокровище’) [Там же] в значении ‘любимая моя’ — примерно соответствуют русскому обращению *Душа моя!* [ССРЛЯ, 1954, т. 3, стлб. 1187] в аналогичных функциях.

К явлениям безэквивалентности, когда русский вариант фразеологизма не включает компонент *душа*, относятся следующие: *жан баспаган жер* (букв. ‘где не ступала душа’) [ФСКЯ, 1977, с. 181; КРФС, 1988, с. 75] в значении ‘неизведанная земля’ — в русском фразеологизме используется соматический компонент *нога*: *где не ступала нога человека ...* [ФСРЯ, 1985, с. 283]; *жанын жагасынан алу* (букв. ‘брать душу за ворот’) [ФСКЯ, 1977, с. 186; КРФС, 1988, с. 73] в значении ‘сильно принуждать к.-л. к ч.-л.’ — в русском языке опять встречаем фразеологизм с соматическим компонентом: (разг.) *брать за горло* [ФСРЯ, 1985, с. 45].

К явлениям безэквивалентности, когда в русском языке вообще отсутствует фразеологизм с данной семантикой, относятся следующие: *жан алғыш* (букв. ‘берущий, забирающий душу’) [ФСКЯ, 1977, с. 180; КРС, 2002, с. 295] в значении ‘убийца’ — этот смысл в русском языке передается одной лексемой *душегуб* [ССРЛЯ, 1954, т. 3, стлб. 1192], имеющей устаревший характер; *жан түршігерлік* (букв. ‘душа жуткая, отвратительная’) [ФСКЯ, 1977, с. 182; КРФС, 1988, с. 77] в значении ‘ужасный человек’ по-русски передается свободными сочетаниями слов (*отвратительный, омерзительный тип*) или инвективами типа *негодяй, мерзавец* и пр.

4. Концепты ДЕНЕ / БОЙ — ТЕЛО в казахской и русской фразеологии в свете сопоставительного лексикографического описания

Как было показано выше, в разделе 2, русскому концепту ТЕЛО соответствует два казахских слова, выступающих в качестве базовых репрезентантов представления о теле в казахской лингвокультуре — *дене* и *бой*. Деление данного концептуального пространства на два полюса вполне соответствует двум когнитивным моделям восприятия тела в культуре. *Дене* — это манифестация взгляда на тело как бы ‘извне», как на нечто целое (гештальт), состоящее из частей и занимающее определенный объем в пространстве — см., например, *дене құрылысы* ‘телосложение’, *дене мүшелері* ‘части тела’, *алын дене* ‘богатырское телосложение; мощное, могучее тело’ [КРС, 2002, с. 222] и пр. *Бой* — это осмысление тела ‘изнутри», со стороны его внутренней консистенции, внутреннего устройства, надлежащего исполнения его функций и т. п. — см., например, *бойына жайылу* ‘распространяться по (всему) телу (о лекарстве, яде)’ [КРФС,

1988, с. 54], также ср. русское *плоть, организм*. Ниже рассмотрим казахско-русские фразеологические соответствия по этим указанным моделям.

Концепт ТЕЛО отличается значительно меньшей степенью культурной разработанности в казахской и русской фразеологии в сравнении с концептом ДУША. В казахском материале число выявленных фразеологизмов с лексемами — репрезентантами концепта ТЕЛО составило для *дене* — 5, для *бой* — 11. В русском материале, например, в фразеологическом словаре под редакцией А. И. Молоткова насчитывается всего 7 фразеологических единиц с данным компонентом [ФСРЯ, 1985, с. 152, 473 и др.]. Это на порядок ниже частоты встречаемости фразеологизмов с лексемами *жан / душа*, соответственно, в казахской и русской фразеологии.

4.1. Модель концептуализации тела как целостного пространственного объекта: *дене* и *тело* в казахско-русских фразеологических соответствиях

В числе полных эквивалентов обнаружены следующие: *аспан денелері* (букв. ‘небесные тела’) [КРС, 2002, с. 222] в значении ‘звезды, планеты’ — соответствуют русскому *небесное тело* [ССРЛЯ, 1963, т. 15, стлб. 224] в том же значении; аналогично — для научных понятий *қатты / сұйық денелер* (букв. ‘твердые / жидкие тела’) [КРС, 2002, с. 222].

В числе частичных эквивалентов обнаруживается *денесі қалтырау* (букв. ‘дрожать телом’ [ФСРЯ, 1977, с. 148] в значении ‘испытывать холод’ — примерно соответствует русскому выражению *дрожать / трястись всем телом* [СД, 2002, т. 1, с. 440].

К явлениям безэквивалентности отнесем случаи *денесі түршікті* (букв. ‘тело содрогнулось’) [КРС, 2002, с. 158] в значении ‘живой, чувствующий человек’ — примерно соответствует русскому *живая душа* и *жив-здоров* — в разговорной речи ‘живой человек’, то же значение — для выражения *ни одной живой души* [СО, 2006, с. 193]; *денесі түршігу* (букв. ‘содрогаться телом’) [ФСРЯ, 1977, с. 148; КРФС, 1988, с. 179] в значении ‘испытывать сильный страх, ужас’ — примерно соответствует русскому *дрожать как осиновый лист* [ФСРЯ, 1985, с. 226], где используется другая образная структура на основе растительного кода. Образ движений тела в этих случаях используется как отражение движений души.

4.2. Модель концептуализации тела как функционирующего организма: *бой* и *тело* в казахско-русских фразеологических соответствиях

В качестве полных эквивалентов выявлен один пример: *бойды кернеу* (букв. ‘переполнять; расpirать тело’) [ФСРЯ, 1977, с. 122; КРС, 2002, с. 158] в значении ‘испытывать сильные чувства (например, о радости)’ — примерно соответствует русскому *Радость переполняла тело* [СО, 2006, с. 508].

Частичную эквивалентность отражают следующие случаи: *бойы байсал тарту* (букв. ‘почувствовать вялость в теле’) [ФСКЯ, 1977, с. 120; КРС, 2002, с. 158] в значении ‘ослабеть’ — примерно соответствует русскому выражению *слабеть телом* [СО, 2006, с. 727]; *дүниеден бой салу* (букв. ‘оставить тело из этого мира’) [ФСКЯ, 1977, с. 120; КРС, 2002, с. 158] в значении ‘скончаться; умереть’ — примерно соответствует русскому выражению *душа покинула тело* [ССРЛЯ, 1963, т. 15, стлб. 225].

К случаям безэквивалентности, когда в русском фразеологическом соответствии не используется компонент *тело*, относятся следующие: *бойды алу* (букв. ‘охватить (все) тело, взять (все) тело’) [ФСКЯ, 1977, с. 122; КРФС, 1988, с. 53] в значении ‘испытать сильные эмоциональные переживания от музыки’ — примерно соответствует русскому фразеологизму *овладеть всем существом* (о музыке) [СО, 2006, с. 442]; *бойын аулақ ұстау* (букв. ‘держат (свое) тело подальше’) [ФСКЯ, 1977, с. 123; КРФС, 1988, с. 54] в значении ‘сторониться’ примерно соответствует русскому *держаться на расстоянии* [ФСРЯ, 1985, с. 138]; *бойын бағу* (букв. ‘смотреть / присматривать за (своим) телом’) [ФСКЯ, 1977, с. 123; КРС, 2002, с. 222] в значении ‘осторожничать’ примерно соответствует русским разговорным фразеологизмам *быть настороже* [СО, 2006, с. 394]; *быть начеку* [СО, 2006, с. 399]; *тал бойында бір мін жоқ* (букв. ‘в его теле нет ни единого изъяна’) [ФСКЯ, 1977, с. 122; КРС, 2002, с. 158] в значении ‘красивый, статный’ примерно соответствует русскому фразеологическому сочетанию *хорош(а) собой* [СО, 2006, с. 707]; *бойын күту* (букв. ‘ухаживать за (своим) телом’) [ФСКЯ, 1977, с. 122; КРФС, 1988, с. 53] в значении ‘заботиться о своей внешности или здоровье’ примерно соответствует русскому *следить за собой* [СО, 2006, с. 728]; *бойы үйрену* (букв. ‘привыкать телом’) [ФСКЯ, 1977, с. 122; КРФС, 1988, с. 53] в значении ‘привыкать, осваиваться’ — в русской фразеологии прямого соответствия не имеет.

Как видим, *бой* в казахской фразеологии участвует в концептуализации самых разных аспектов внутренней жизни человека, что в фразеологизмах с русским компонентом *тело* наблюдается гораздо реже. В свою очередь, в русской фразеологии образ тела часто связывается с физическим здоровьем, даже избыточной плотью: *быть в теле* (например, *женщина в теле*) означает ‘иметь лишний вес’. Аналогично *войти в тело* — ‘поправляться, крепнуть; полнеть’ [ССРЛЯ, 1963, т. 15, стлб. 227]. И, напротив, значение ‘худеть’ передается фразеологизмом *спасть / спадать с тела* [Там же], а идея ‘притеснять, содержать в тяжелых условиях, в том числе — не давать достаточно питания’ выражается русским фразеологизмом *держат в черном теле* [СОВРЯ, 1995, с. 116].

Также специфической чертой именно для русского способа языковой концептуализации мира, не имеющей соответствия в казахской фразеологии, является наличие внутренне антиномичных фразем, использующих оба компонента *душа* и *тело* в одном выражении: с одной стороны, ***душой и телом*** ‘целиком, всем существом; вполне, совершенно, во всех отношениях’; а с другой стороны, ***ни душой ни телом*** ‘нисколько, совсем (не виноват, не причастен к чему-либо и т. п.)’ [ФСРЯ, 1985, с. 152]. Ср. также русское просторечное *еле-эле душа в теле* ‘едва, чуть жив. О слабом, больном или уставшем человеке’ [Там же, с. 150]. Таким образом, в русской языковой картине мира душа и тело в совокупности составляют исчерпывающий образ человека.

5. Заключение

Проведенный сопоставительный анализ показал, что концепт ДУША, как он представлен в казахской и русской фразеологии, в целом характеризуется значительной культурной разработанностью в казахском и русском языковом сознании. В фразеологической репрезентации концепта ДУША в казахской и русской лингвокультуре имеется ряд существенных сходств. В частности, и в казахской, и в русской фразеологии душа метафорически переосмысливается как неодушевленный объект, как вещество (субстанция) или как место, вместилище (контейнер) и метонимически переосмысливается как одушевленная сущность (средоточие жизни) и как человеческое существо.

Кроме того, отмечено наличие концептуальных расхождений, связанных с особенностями природной и культурной среды, мифологическими и религиозными традициями этносов, а также различиями в выборе номинации для образного отображения примерно сходного содержания. В частности, в ряде русских фразеологизмов с компонентом *душа* выявлено отражение религиозно-христианских представлений о душе, что не зафиксировано для их казахских соответствий. С другой стороны, в русской фразеологии наблюдается определенное ограничение на появление компонента *душа* в некоторых нейтральных и снижающих контекстах (на фоне казахских соответствий в русских фразеологизмах в этих случаях используются соматические компоненты типа *горло, нога* и пр.), что может быть связано с более высоким оценочным регистром для представления о душе в русском мире ценностей.

Для фразеологической репрезентации концепта ТЕЛО в казахской и русской лингвокультурах отмечена реализация двух полярных когнитивных моделей представления тела как целостного пространственного объ-

екта и как функционирующего организма. Однако различие состоит в том, что в казахской фразеологии эти модели распределены по двум компонентам — соответственно, лексемам *дене* и *бой*, тогда как в русской фразеологии обе эти модели выражены фразеологизмами с компонентом *тело*. При этом компонент *дене* отличается гораздо меньшим потенциалом фразеологизации, чем *бой*.

В свою очередь, русские фразеологизмы с компонентом *тело* в меньшей степени представлены в языковой реализации самых разных аспектов внутренней жизни человека в сравнении с казахскими фразеологизмами с компонентом *бой*. Также специфической чертой именно для русского способа языковой концептуализации мира, не имеющей соответствия в казахской фразеологии, является наличие фразем, использующих оба антонимически противопоставленных компонента *душа* и *тело* в одном выражении. В целом оппозиция души и тела в русской фразеологии проявляется более последовательно, чем в казахской, что еще раз свидетельствует о крайней антинормичности русской языковой картины мира, отмечаемой многими исследователями.

Источники и принятые сокращения

1. ИСРСЛ, 2018 — *Леонтьева Т. В.* Идеографический словарь русской социальной лексики : общество и человек / Т. В. Леонтьева ; Рос. гос. проф.-пед. ун-т. — Екатеринбург : Ажур, 2018. — 553 с.
2. КРС, 2002 — *Сыздыкова Р.Г.* Казахско-русский словарь : 50 000 слов и выражений / Р.Г. Сыздыкова, К.Ш. Хусаин. — Алматы : Дайк-Пресс, 2002. — 1008 с.
3. КРФС, 1988 — *Кожжахметова Х. К.* Казахско-русский фразеологический словарь / Х. К. Кожжахметова, Р. Е. Жайсакова, Ш. О. Кожжахметова. — Алма-Ата : Мектеп, 1988. — 224 с.
4. КРЯ, 2010 — *Концептосфера* русского языка : ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : проспект словаря / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2010. — 338 с.
5. КСРК, 1997 — *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Академпроект, 1997. — 989 с.
6. МСКРК, 2019 — *Сайгин В. В.* Концепты «грех», «покаяние», «добродетель» и «искупление» : материалы к словарю концептов русской культуры : монография / В. В. Сайгин. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. — 332 с.
7. МУКЛС, 2005—2014 — *Человек* и его язык. Материалы учебного комплексного лингвокультурологического словаря / под ред. Л. В. Рацибурской. — Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 2005. — Вып. 1. — 53 с. ; 2009. — Вып. 2. — 56 с. ; 2011. — Вып. 3. — 40 с. ; 2014. — Вып. 4. — 44 с.
8. ПСДЯЛ, 2006—2012 — *Полный словарь диалектной языковой личности* / под ред. Е. В. Ивановой. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. — Т. 1 : А—З. — 358 с. ; 2007. — Т. 2 : И—О. — 336 с. ; 2009. — Т. 3 : П—Р. — 332 с. ; 2012. — Т. 4 : С—Я. — 336 с.

9. РИС, 2011 — *Русский идеографический словарь* : Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова ; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — Москва : Азбуковник, 2011. — 1032 с.

10. СД, 2002 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. / В. И. Даль. — Москва : Рипол-Классик, 2002. — Т. 1. А—З. — 750 с.

11. СКРНС, 2011, 2015 — *Словарь концептов русской народной сказки* / авт.-сост. Л. В. Грехнева, Т. М. Горшкова, Е. Р. Переслегина, Л. И. Ручина, А. В. Синелева. — Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 2011. — Ч. 1 : Родственные связи. — 171 с. ; 2015. — Ч. 2 : Социальная функция. — 170 с.

12. СО, 2006 — *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — Москва: ООО «А ТЕМП», 2006. — 944 с.

13. СОВРЯ, 1995 — *Словарь образных выражений русского языка* / под ред. В. Н. Телия. — Москва : Отечество, 1995. — 368 с.

14. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 томах. — Москва : Наука; Ленинград : Издательство АН ССР, 1948—1965. — Т. 3. — 1954. — 700 с.; Т. 15. — 1963. — 648 с.

15. ФСКЯ, 1977 — *Кенесбаев С. К.* Фразеологический словарь казахского языка / С. К. Кенесбаев; АН КазССР. Институт языкознания. — Алма-Ата : Наука, 1977. — 712 с.

16. ФСРЯ, 1985 — *Фразеологический словарь русского языка* / составители : Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров ; под ред. А. И. Молоткова. — Москва : Русский язык, 1985. — 543 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева С. Г.* Фразеологизмы с компонентами «сердце» и «душа» в современном русском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. Г. Алексеева ; МПГУ им. В. И. Ленина. — Москва, 1996. — 16 с.

2. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семантика и информатика : сборник научных статей. — Москва : Наука, 1986. — Вып. 28. — С. 5—33.

3. *Березович Е. Л.* К этнолингвистической интерпретации семантических полей / Е. Л. Березович // Вопросы языкознания. — 2004. — № 6. — С. 3—24.

4. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр ; пер. и вст. ст. С. Н. Зенкина. — Москва : Добросвет, 2000. — 387 с.

5. *Быкова О. И.* Этноконнотация как вид культурной коннотации / О. И. Быкова. — Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2005. — 277 с.

6. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; пер. с англ. ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. — Москва : Русские словари, 1997. — 416 с.

7. *Добровольский Д. О.* Национально-культурная специфика во фразеологии / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. — 1997. — № 6. — С. 23—35.

8. *Гак В. Г.* О контрастивной лингвистике / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. 25. Контрастивная лингвистика / сост. В. П. Нерозник ; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 5—17.

9. Гак В. Г. Особенности библейской фразеологии в русском языке (в сопоставлении с французским) / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. — 1997. — № 5. — С. 55—59.
10. Жолос Л. М. Сердце и душа как часть внутреннего мира человека в русских, английских и немецких фразеологизмах / Л. М. Жолос, М. С. Шевченко // Гуманитарные и социальные науки. — 2019. — № 1. — С. 221—231.
11. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
12. Зинченко В. П. Психология на качелях между душой и телом / В. П. Зинченко // Психология телесности : между душой и телом / ред.-сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. — Москва : АСТ : АСТ Москва, 2007. — С. 10—52.
13. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 792 с.
14. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в зеркале «растительных» метафор / Т. В. Леонтьева // Вопросы языкознания. — 2006. — № 5. — С. 57—77.
15. Мамутова З. Э. Фразеосемантическое поле эмоционального состояния человека в крымскотатарской соматической фразеологии / З. Э. Мамутова // Филология : научные исследования. — 2019. — № 2. — С. 215—222. — DOI : 10.7256/2454-0749.2019.2.29607.
16. Милованова А. И. Формирование нереального явления в структуре фразеологизмов с помощью соматического компонента / А. И. Милованова // *Litera*. — 2018. — № 1. — С. 63—69. — DOI : 10.25136/2409-8698.2018.1.25503.
17. Николина Е. В. Соматические фразеологизмы, характеризующие человека, в тюркских языках Сибири и казахском : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. В. Николина ; Институт филологии СО РАН. — Новосибирск, 2002. — 240 с.
18. Новые тенденции в русском языке начала XXI века : коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Е. В. Маринова, Л. В. Рацибурская, Н. А. Самыличева, А. В. Шумилова, Е. В. Щеникова, С. Н. Виноградов ; под ред. Л. В. Рацибурской. — Москва : ФЛИНТА ; Наука, 2014. — С. 8—35.
19. Петрова Л. И. Человеческое тело и эмоции в контексте лингвокультурологии / Л. И. Петрова // Вестник Псковского государственного университета. Серия : социально-гуманитарные науки. — 2007. — № 1. — С. 133—144.
20. Радбиль Т. Б. Герой Андрея Платонова как языковая личность (образ Фомы Пухова в «Сокровенном человеке») / Т. Б. Радбиль // Русистика сегодня. — 1999. — № 3—4. — С. 66—83.
21. Радбиль Т. Б. О концепции изучения русского языкового менталитета / Т. Б. Радбиль // Русский язык в школе. — 2011. — № 3. — С. 54—60.
22. Русецкая Й. Концептуализация культурных стереотипов *душа* и *тело* в русской соматической фразеологии (с привлечением литовских параллелей) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Й. Русецкая. — Москва, 2012. — 231 с.
23. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.
24. Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картины мира / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. — 2002. — № 1 (3). — С. 112—127.

25. Черникова Е. В. Концепты ДУША и ДУХ в русском, английском и эвенкийском языках : сопоставительное исследование на фразеологическом уровне : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. В. Черникова. — Москва, 2005. — 171 с.

DUSHA (“SOUL”) AND TELO (“BODY”) IN THE ASPECT OF CONTRASTIVE ANALYSIS OF CULTURAL CONCEPTS: MATERIALS FOR THE LINGUO-CULTUROLOGICAL PHRASEOLOGICAL DICTIONARY OF RUSSIAN-KAZAKH CORRELATIONS

© **Timur B. Radbil (2020)**, orcid.org/0000-0002-7516-6705, SPIN 2835-0370, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhni Novgorod, Russia), timur@radbil.ru.

© **Gulmira A. Akhmetzhanova (2020)**, orcid.org/0000-0003-3279-9091, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language and Literature, M. Auezov South Kazakhstan State University (Shymkent, Kazakhstan), gulmira-54@mail.ru.

© **Zhadyra Zh. Zhumagulova (2020)**, orcid.org/0000-0001-7547-7792, PhD in Philology, associate professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, M. Auezov South Kazakhstan State University (Shymkent, Kazakhstan), zhadi.72@mail.ru.

© **Altyнай E. Seralieva (2020)**, orcid.org/0000-0002-8009-5470, Senior Teacher, Department of Russian Language and Literature, M. Auezov South Kazakhstan State University (Shymkent, Kazakhstan), sanen-04@mail.ru.

© **Gaukhar E. Seralieva (2020)**, orcid.org/0000-0002-4863-8156, Teacher, Department of Russian Language and Literature, M. Auezov South Kazakhstan State University (Shymkent, Kazakhstan), 9.7.71@mail.ru.

Some preliminary results of joint research lexicographic project of Russian and Kazakh linguists on linguo-culturological contrastive analysis of Russian-Kazakh phraseological correlations are discussed in the article. The work presents the experience of contrastive lexicographic description of the concepts ZHAN — DUSHA (“SOUL”) and DENE / BOY — TELO (“BODY”) in the aspect of their language objectification in Russian and Kazakh phraseologisms. The purpose is to give contrastive analysis of the opposite concepts ZHAN — DUSHA (“SOUL”) and DENE / BOY — TELO (“BODY”) in their phraseological representation in Russian and Kazakh. The material for the study is the data of Russian and Kazakh phraseological dictionaries. The theoretical basis of the work is the ideas of language conceptualization of the world, the principles cognitive interpretation of elements of “a language of culture” and the methodology of linguo-culturological study in phraseologisms. The standard method of conceptual analysis and the method of contrastive phraseological analysis are used in the article. It is shown that there are a lot of substantial resemblances in phraseological representations of the concepts in Russian and Kazakh lingual cultures resulting from general principles of language conceptualization of reality in languages of the world. On the other side, some conceptual divergences between compared languages are also revealed: they are caused by peculiarities of nature and culture environment as well as by diversity in changing of nominations for imaginative denotation of approximately analogous substance. The authors come at a conclusion that the contrary concepts ZHAN — DUSHA (“SOUL”) and DENE / BOY — TELO (“BODY”) are revealed in the mirror of each other in phraseology of compared languages.

Key words: concepts; SOUL; BODY; contrastive analysis in phraseology, linguo-cultural-logical contrastive dictionary; Russian-Kazakh correlations; Russian language; Kazakh language.

MATERIAL RESOURCES

- FSKYa, 1977 — Kenesbayev, S. K. (1977). *Frazeologicheskiy slovar' kazakhskogo yazyka*. Alma-Ata: Nauka. (In Kazah.; In Russ.).
- FSRYa, 1985 — Voynova, L. A., Zhukov, V. P., Molotkov, A. I., Fedorov, A. I. (1985). *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
- ISRSL, 2018 — Leontyeva, T. V. (2018). *Ideograficheskiy slovar' russkoy sotsialnoy leksiki: obshchestvo i chelovek*. Ekaterinburg: Azhur.
- KRFS, 1988 — Kozhakhmetova, Kh. K., Zhaysakova, R. E., Kozhakhmetova, Sh. O. (1988). *Kazakhsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'*. Alma-Ata: Mektep. (In Kazah.; In Russ.).
- KRS, 2002 — Syzdyk, R. (2002). *Kazakhsko-russkiy slovar': 50 000 slov i vyrazheniy*. Almaty: Dayk-Press. (In Kazah.; In Russ.).
- KRYa, 2010 — Babenko, L. G. (ed.) (2010). *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevyye kontsepty i ikh reprezentatsii (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): prospekt slovarya*. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo un-ta. (In Russ.).
- KSRK, 1997 — Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoy kultury. Opyt issledovaniya*. Moskva: Akadempromekt. (In Russ.).
- MSKRK, 2019 — Saygin, V. V. (2019). *Kontsepty «grekh», «pokayaniye», «dobrodetel'» i «iskupleniye»: materialy k slovaryu kontseptov russkoy kultury: monografiya*. Nizhniy Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo. (In Russ.).
- MUKLS, 2005—2014 — Ratsiburskaya, L. V. (ed.) (2005—2014). *Chelovek i yego yazyk. Materialy uchebnogo kompleksnogo lingvokulturologicheskogo slovarya, 1—4*. Nizhniy Novgorod: Izd-vo Nizhegorod. un-ta. (In Russ.).
- PSDYaL, 2006—2012 — Ivantsova, E. V. (ed.) (2006—2012). *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti, 1—4*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (In Russ.).
- RIS, 2011 — Shvedova, N. Yu. (ed.) (2011). *Russkiy ideograficheskiy slovar': Mir cheloveka i chelovek v okruzhayushchem yego mire (80 kontseptov, odnosyashchikhsya k dukhovnoy, mentalnoy i materialnoy sferam zhizni cheloveka)*. Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).
- SD, 2002 — Dal', V. I. (2002). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4-kh tt., 1*. Moskva: Ripol-Klassik. (In Russ.).
- SKRNS, 2011, 2015 — Grekhneva, L. V., Gorshkova, T. M., Pereslegina, E. R., Ruchina, L. I., Sineleva, A. V. (2011, 2015). *Slovar' kontseptov russkoy narodnoy skazki*. Nizhniy Novgorod: Izd-vo Nizhegorod. un-ta. (In Russ.).
- SO, 2006 — Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2006). *Tolkovyy slovar' russkogo literaturnogo yazyka. 80 000 slov i vyrazheniy*. Moskva: OOO "A TEMP". (In Russ.).
- SOVRYa, 1995 — Teliya, V. N. (ed.) (1995). *Slovar' obraznykh vyrazheniy russkogo yazyka*. Moskva: Otechestvo. (In Russ.).
- SSRLYa — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 tomakh, 3, 15*. (1948—1965). Moskva: Nauka; Leningrad: Izdatelstvo AN SSR. (In Russ.).

REFERENCES

- Alekseyeva, S. G. (1996). *Frazeologizmy s komponentami «serdtse» i «dusha» v sovremen-
nom russkom yazyke: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk.*
Moskva. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. (1986). Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira. In: *Se-
miotika i informatika: sbornik nauchnykh statey*, 28. Moskva: Nauka. 5—33.
(In Russ.).
- Berezovich, E. L. (2004). K etnolingvisticheskoy interpretatsii semanticheskikh poley. *Vo-
prosy yazykoznaviya*, 6: 3—24. (In Russ.).
- Bodriyyar, Zh. (2000). *Simvolicheskiy obmen i smert'*. Moskva: Dobrosvet. (In Russ.).
- Bykova, O. I. (2005). *Etnokonnotatsiya kak vid kulturnoy konnotatsii*. Voronezh: Voronezhskiy gosuniversitet. (In Russ.).
- Chernikova, E. V. (2005). *Kontsepty DUShA i DUKh v russkom, angliyskom i evenkiyskom
yazykakh: sopostavitelnoye issledovaniye na frazeologicheskom urovne: dissert-
ratsiya ... kandidata filologicheskikh nauk.* Moskva. (In Russ.).
- Dobrovolskiy, D. O. (1997). Natsionalno-kulturnaya spetsifika vo frazeologii. *Voprosy ya-
zykoznaviya*, 6: 23—35. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1989). O kontrastivnoy lingvistike. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike: Vyp. 25.*
Kontrastivnaya lingvistika. Moskva: Progress. 5—17. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1997). Osobennosti bibleyskoy frazeologii v russkom yazyke (v sopostavlenii
s frantsuzskim). *Voprosy yazykoznaviya*, 5: 55—59. (In Russ.).
- Lakoff, Dzh. (2004). *Zhenshchiny, ogon' i opasnyye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat
nam o myshlenii*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V. (2006). Intellekt cheloveka v zerkale «rastitelnykh» metaphor. *Voprosy ya-
zykoznaviya*, 5: 57—77. (In Russ.).
- Mamutova, Z. E. (2019). Frazeosemanticheskoye pole emotsionalnogo sostoyaniya cheloveka
v krymskotatarskoy somaticheskoy frazeologii. *Filologiya: nauchnyye issledo-
vaniya*, 2: 215—222. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29607. (In Russ.).
- Milovanova, A. I. (2018). Formirovaniye nerealnogo yavleniya v strukture frazeologiz-
mov s pomoshchyu somaticheskogo komponenta. *Litera*, 1: 63—69. DOI:
10.25136/2409-8698.2018.1.25503. (In Russ.).
- Nikolina, E. V. (2002). *Somaticheskiye frazeologizmy, kharakterizuyushchiye cheloveka,
v tyurkskikh yazykakh Sibiri i kazakhskom: dissertatsiya ... kandidata filo-
logicheskikh nauk.* Novosibirsk. (In Russ.).
- Petrova, L. I. (2007). Chelovecheskoye telo i emotsii v kontekste lingvokulturologii. *Vestnik
Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: sotsialno-gumanitarnyye
nauki*, 1: 133—144. (In Russ.).
- Radbil', T. B. (1999). Geroy Andrey Platonova kak yazykovaya lichnost' (obraz Fomy Pukhova
v «Sokrovennom cheloveke»). *Rusistika segodnya*, 3—4: 66—83. (In Russ.).
- Radbil', T. B. (2011). O kontseptsii izucheniya russkogo yazykovogo mentaliteta. In: *Russkiy
yazyk v shkole*, 3: 54—60. (In Russ.).
- Radbil', T. B., Marinova, E. V., Ratsiburskaya, L. V., Samylicheva, N. A., Shumilova, A. V.,
Shchenikova, E. V., Vinogradov, S. N. (2014). *Novyye tendentsii v russkom ya-
zyke nachala XXI veka: kollektivnaya monografiya.* Moskva: FLINTA; Nauka.
8—35. (In Russ.).

- Rusetskaya, Y. (2012). *Kontseptualizatsiya kulturnykh stereotipov dusha i telo v russkoy somaticheskoy frazeologii (s privlecheniyem litovskikh paralleley): dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekty*. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. (2002). Motivatsionnyye semanticheskiye modeli i kartiny mira. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii, 1 (3)*: 112—127. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1997). *Yazyk. Kultura. Poznaniye*. Moskva: Russkiye slovari. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira: sbornik statey*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Zholos, L. M., Shevchenko, M. S. (2019). Serdtse i dusha kak chast' vnutrennego mira cheloveka v russkikh, angliyskikh i nemetskikh frazeologizmakh. *Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki, 1*: 221—231. (In Russ.).
- Zinchenko, V. P. (2007). Psikhologiya na kachelyakh mezhdushoy i telom. In: *Psikhologiya telesnosti: mezhdushoy i telom*. Moskva: AST: AST Moskva. 10—52. (In Russ.).